

лей обыкновенныхъ. Одни только историческія разысканія, хотя бы и слишкомъ ученыя, понятны для всѣхъ. Журналы физическіе, химическіе, натуральные, медицинскіе и проч. имѣютъ особыхъ своихъ читателей по ихъ профессіи или охотѣ... А одной книгѣ никакъ для всѣхъ годною быть нельзя и для большей части будетъ лишняя» ¹⁾).

ГЛАВА IX.

Политическіе проекты.

(1820).

Причина обращенія къ императору Александру I въ 1820 г. Перемѣна въ направленіи политики имп. Александра. Тревожное настроеніе Каразина и петербургскаго общества. Записка къ государю и гр. Кочубею. Проектъ „статистическаго департамента“; участіе въ „обществѣ для облегченія участи крестьянъ“. Нападки на Каразина изслѣдователей за его политическіе проекты. Записка государю о состояніи Россіи. Семеновская исторія. 4-ый арестъ и заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Исторія ареста В. Н. Каразина выясняетъ, что причина несчастія явилась не только по винѣ самого потерпѣвшаго, но и въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ. Мы видѣли, что разныя причины побуждали Василия Назаровича сноситься съ министрами, даже съ государемъ первое время (до конца 1809 года). При видѣ неустройствъ въ разныхъ сторонахъ государственнаго механизма, въ заботахъ по филотехническому обществу

¹⁾ „Русск. Арх.“ 1889 г. т. II, стр. 136. (Письмо отъ 9 марта 1820 г.). Въ письмѣ отъ 6 апр., узнавъ отъ Аластасевича объ участіи Каразина, Евгений писалъ; „Итакъ, мое предсказаніе надъ Василиемъ Назаровичемъ и вами сбылось въ обществѣ сореоовнателей. Да и трудно-ли было представить по общему правилу, что кто навязывается учить другихъ, колыми паче всѣхъ, того всѣ учать? Итакъ, поздравляю Васъ всѣхъ, что мнимые Ваши ребятишки высѣкли своихъ учителей. Но симъ думаю еще не кончится. Что ни пишете вы, что будто по городу ихъ осуждаютъ, а я больше вѣрю, что вездѣ надъ вами смѣются, а до начальства доведутъ уже въ карикатурномъ видѣ. Все это повредитъ наипаче Василию Назаровичу, и опять можетъ быть сбудется мое гаданіе о возвращеніи его восвоюи безъ всего. (Тамъ же стр. 338).

В. Н. Каразинъ просить содѣйствія, даетъ совѣты и указанія правящимъ и вліятельнымъ лицамъ, съ которыми въ свое время былъ близко знакомъ. Не будучи въ состояніи, можетъ быть, по своему характеру оставаться молчаливымъ на вопросы жизни, Каразинъ надѣялся на содѣйствіе своимъ планамъ людей стоящихъ во главѣ правленія, но годъ отъ году убѣждался въ тщетности своихъ надеждъ. Его непрощенные совѣты впрочемъ сильно надѣдали; нѣкоторые вельможи, (напр. Кочубей, Горчаковъ I) отдѣлывались официальными отвѣтами съ вѣжливымъ отказомъ привести въ исполненіе идеи Каразина, другіе (напр. Сперанскій, Аракчеевъ) вовсе перестали отвѣчать ему. Понятно, что гласомъ вопіющаго въ пустынѣ Василій Назаровичъ ограничиться не хотѣлъ да и не могъ по своей натурѣ, и въ 1820 г. рѣшилъ идти тѣмъ опаснымъ путемъ, который былъ уже разъ причиной его ареста, который повлекъ новыя несчастія и страданія Василія Назаровича—онъ рѣшилъ обратиться со своими непризнаваемыми планами непосредственно къ императору Александру. Къ подобному смѣлому шагу, можетъ быть, ободряло Каразина вниманіе государя, обращенное въ 1817 и 1818 г.г. на его проектъ о примѣненіи къ жизни электричества, хотя отношеніе къ нему во время проѣзда чрезъ Харьковъ государя не давало повода предполагать расположенія къ себѣ. Въ добавокъ къ этому времени самъ государь сильно перемѣнился въ своихъ дѣйствіяхъ и взглядахъ на вещи, чего, вѣроятно, не зналъ Каразинъ.

Направленіе государственной дѣятельности къ 1820 году приняло характеръ противоположный «эпохѣ преобразованій». «Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собою столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана. жизнь выдвинута въ новую колею, тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія»—говоритъ А. Н. Пышинъ¹⁾. Тѣ филантропическія идеи, то стремленіе подвинуть по пути прогресса родину, которые нѣкогда такъ сильно воодушевляли императора Александра, которые съ высоты престола разносились, какъ ясные лучи послѣ безиросвѣтной жизни русскаго народа временъ имп. Павла, канули въ вѣчность. Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Въ немъ самомъ издавна боролись два различныя настроенія—внушенный полусентиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и совсѣмъ противоположные инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Этими противорѣчіями былъ особенно исполненъ второй періодъ его ли-

¹⁾ Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I; изданіе 3-ье, стр. 345.

берализма съ 1815 г. Онъ уже вскорѣ пачинаетъ охладѣвать къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція, только что данная, показалаcя стѣснительной для авторитета власти. Въ греческомъ вопросѣ императоръ колебался между свободой Греціи и «законной властью» турецкаго султана и наконецъ отказался защищать грековъ въ угоду европейской дипломатіи. Въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819 г. на сторонѣ реакціи, онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска должны были готовиться къ роли жандармовъ въ чужихъ государствахъ» ¹⁾. Неудержимо настойчивый и въ тоже время непостоянный государь, заявлявшій уже не разъ о своей готовности пожертвовать жизнью во благо подданныхъ и трепетавшій при извѣстіи о тайныхъ обществахъ (манія, можетъ быть, наслѣдственная), уже немного лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ начинаетъ боязливо оглядываться на окружающихъ. 13 января 1807 года былъ учрежденъ комитетъ охраненія общественной безопасности, продолжавшій существовать до конца царствованія императора Александра. Комитетъ отъ 13 января 1807 г., какъ онъ именовался официально, закрѣпилъ начавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени ²⁾. Разладъ этотъ достигъ полнаго своего развитія подъ вліяніемъ народныхъ движеній Европы, въ жизни которой Александръ принималъ столь горячее участіе изъ боязни революціи въ Россіи, которая по мнѣнію государя была очень возможна благодаря вліянію годъ отъ году увеличивавшихся тайныхъ собраній. Причиной развитія этихъ обществъ было тяжелое время, пережившееся тогда Россіей. Мѣсто религіозной свободы заняли религіозныя преслѣдованія. Крестьянскій вопросъ былъ сданъ въ архивъ. «Вольный духъ» преслѣдовался въ самыхъ невинныхъ его проявленіяхъ. Въ университетахъ царили Магницкіе и Руничи. Все сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества и къ господству самаго низменнаго обскурантизма и лицемѣрія. Вънцомъ мудрости во внутренней политикѣ было устройство военныхъ поселеній, отъ которыхъ самъ Аракчеевъ въ совѣстливыя минуты отрекался, приписывая ихъ идею самому императору; въ центральномъ правительствѣ главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежняго либеральнаго направленія и мракобѣсы—мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпіонство. Ловкіе люди пользовались случаемъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Злоупотребленія всякаго рода сдѣлались

¹⁾ Пышинъ „Общ. движ. при Ал. I“ стр. 435—436.

²⁾ Шильдеръ. «Императоръ Александръ I-ый» т. IV, стр. 162.

открытыми. Воровство совершалось на виду у всѣхъ. Притѣсненія сильными слабымъ не находили никакой узды. Всякая попытка противодействовать такому порядку вещей оканчивалась самымъ печальнымъ образомъ для смѣльчака ¹⁾. «Словомъ это была обычная картина всякой реакціи, вызывающей на арену жизни всѣ темные элементы общества, при другихъ условіяхъ скрывавшіеся во тьмѣ и теперь преслѣдующіе все свѣтлое» ²⁾. Новое молодое поколѣніе, взявшееся было съ такимъ жаромъ за дѣло реформъ, оказалось на заднемъ планѣ, оттѣсненнымъ Аракчеевымъ, Магницкимъ и др. Положеніе этихъ еще свѣжихъ силъ становилось тѣмъ тяжелѣе, что заграничные походы съ 1805 по 1815 г.г., въ которыхъ участвовало большинство патриотовъ изъ высшаго круга, познакомились съ болѣе гуманнымъ строемъ жизни Запада ³⁾. Преслѣдованія свободнаго слова и мысли для тѣхъ, которые привыкли выражать ихъ откровенно въ мягкое время царствованія и въ бытность свою за границей, заставили искать возможности дѣлиться мыслями тайкомъ. Составлялись, такимъ образомъ, «тайныя» общества, сфера вліянія которыхъ расширялась на большее и большее количество сочленовъ; въ программу дѣйствій вводилось преслѣдованіе тѣхъ самыхъ за вѣтныхъ идей, за которыя стоялъ императоръ Александръ при вступленіи на престолъ и главой реакціи противъ которыхъ такъ скоро онъ сдѣлался. Несмотря на преувеличенный страхъ государя предъ обществами, чему не соответствовалъ ни уставъ ихъ, чуждый революціонной пропаганды, ни сила ихъ, несмотря на то что были извѣстны имена нѣкоторыхъ участниковъ обществъ, которыя называлъ самъ царь, они остались пока внѣ преслѣдованій. Въ новомъ движеніи принимало участіе слишкомъ много членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій лицъ, занимавшихъ видное официальное положеніе. Каразинъ хорошо чувствовалъ весь гнетъ тогдашняго положенія вещей, и близкое знакомство съ членами тайныхъ обществъ ⁴⁾, ихъ благородныя стремленія и по-

¹⁾ Пыпинъ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, т. VII и VIII.

²⁾ Я. В. Абрамовъ: «В. Н. Каразинъ», Сиб. 1891 г.

³⁾ Къ двадцатымъ годамъ военное общество—чего никогда не было ни прежде ни послѣ—заключало въ себѣ лучшихъ представителей образованнаго общества. Пыпинъ. «Общественное движеніе при Александрѣ I. 3-ье изд. стр. 390.

⁴⁾ Съ М. Н. Муравьевымъ, Вяземскимъ, Тургеневымъ. Бумаги нѣсколькихъ декабристовъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ, переданы были Василю Назаровичу В. С. Иконниковъ. «Опытъ русской исторіографіи», т. I кн. 2 стр. 1183.

бужденія вполне соотвѣтствовали стремленіямъ В. Н. Каразина ¹⁾. Онъ расходился съ ними только въ способахъ дѣйствія, которые противорѣчили его политическимъ убѣжденіямъ. *Тайной* работѣ, выраженію мыслей *тайнымъ* образомъ отъ правительства Каразинъ не сочувствовалъ, ибо видѣлъ спасеніе для Россіи въ нескрываемомъ выраженіи вѣрноподданныхъ совѣтовъ монарху ²⁾, хотя бы то стоило жизни смѣльчака. Такъ именно онъ поступалъ съ 1798 года, такъ рѣшилъ поступать въ 1820 году.

12 декабря 1819 г. В. Н. Каразинъ уже представлялъ докладную записку гр. В. П. Кочубею (мин. вн. дѣлъ), въ которой указывалъ на какія то противозаконія, совершаемыя въ Россіи. Министръ заинтересовался и поручилъ Каразину составить подробный докладъ. Вас. Наз. не заставилъ себя ждать и въ январѣ 1820 г. представилъ три записки, имѣвшихъ цѣлю, главнымъ образомъ, указать на вопіющія злоупотребленія въ Россіи по отношенію къ крѣпостнымъ и на средства устранить ихъ разъ навсегда. Указавъ на множество чрезвычайно несложныхъ способовъ обойти существующіе законы, запрещающіе въ извѣстныхъ случаяхъ продажу и переселеніе крѣпостныхъ, Каразинъ предложилъ издать категоричный законъ, недопускающій никакихъ вредныхъ толкованій. Во 1-хъ запретить всѣмъ (кромѣ дворянъ-помѣщиковъ) право владѣнія людьми, ограничивъ это владѣніе лишь временемъ жизни настоящаго владѣльца и лишивъ его права продажи людей; во 2-хъ, запретить переселеніе крестьянъ далѣе опредѣленнаго разъ навсегда пространства вокругъ мѣста жительства; въ противномъ случаѣ дѣло должно идти чрезъ правительственныя учрежденія (казенн. палату, губернс. и земск. суды) ³⁾. Гр. Кочубей какъ будто еще болѣе заинтересовался В. Н. Каразинымъ и въ теченіе марта нѣсколько разъ бесѣдовалъ устно съ Василиемъ Назаровичемъ ⁴⁾. Послѣдній указывалъ

¹⁾ «Было бы большою ошибкой предполагать, что въ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами», пишетъ участникъ «Союза благоденствія», одного изъ тайныхъ обществъ,—здѣсь вовсе ими не занимались. Если какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли какое-нибудь такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ не возможенъ»... и т. д. и т. д. См. *La Russie et les Russes* N. Tourgeuneff, t. I p. 105—106. Paris, 1847.

²⁾ «Правительство есть средоточіе, въ которомъ необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общему». Записка имп. Александру I отъ 13 мая 1820 г.

³⁾ Русская Старина 1903 г. августъ, стр. 458—465.

⁴⁾ Русская Старина 1870 г. т. II, стр. 568—571.

министру на тревожное, по его мнѣнію, состояніе Россіи и дѣлился планами о предотвращеніи бѣдъ для отечества. 31 марта Каразинъ снова изложилъ письменно на нѣсколькихъ листахъ свой взглядъ на массовыя злоупотребленія чиновниковъ и на возможность волненій въ Россіи. «Секты религіозныя и политическія умножаются. Нѣтъ никакой точки къ соединенію умовъ. Правительство не назначаетъ ея и, очевидно, мятется. Это въ нынѣшній вѣкъ особливо будетъ имѣть то же послѣдствіе, какъ бы сокрытіе знаменъ и повелѣній военачальника въ общемъ замѣшательствѣ битвы»,—писалъ немного позже государю Каразинъ.

Надо замѣтить, что страхи Каразина не раздѣлялись имъ однимъ; все общество было въ трепетномъ ожиданіи чего-то страшнаго; производились многочисленные аресты и высылки. «Я уже докладывалъ вашему сіятельству,—говорилъ оберъ-полицеймейстеръ Петербурга Горголи графу Милорадовичу,—что расположеніе умовъ въ городѣ такое, что не отвѣчаю за три дня спокойствія»¹⁾. «Зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчается повсюду», говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ о томъ же времени²⁾. Въ журналахъ попадались сплошь да рядомъ настолько смѣлые и рѣзкіе намеки молодыхъ поэтовъ на правительство, на самодержавный строй, которые и при спокойномъ состояніи правящихъ сферъ никогда у насъ не были допустимы, а тѣмъ болѣе въ описываемое время. «Молодежь хотѣла какъ бы *блеснуть* своимъ неуваженіемъ къ правительству»—писалъ В. Н. Каразинъ гр. Кочубею, препровождая нѣсколько стихотвореній молодыхъ поэтовъ (Пушкина А. С., Кюхельбекера), отличавшихся рѣзкимъ отношеніемъ къ правительству и читанныхъ къ тому же публично. Государь раздѣлялъ общее настроеніе: распространявшееся въ обществѣ «вольномудство», которое онъ поставилъ себѣ цѣлью подавлять на прострѣнствѣ всей Европы, очень пугало его.

Ожидая, можетъ быть, нѣкоторое время, въ предположеніи, что Кочубей доложитъ о запискѣ императору, Каразинъ, подлѣ предлогомъ поблагодарить государя за оказанную недавно милость, пытался проникнуть во дворецъ, но не былъ принятъ³⁾.

¹⁾ Русский Архивъ 1875 г., т. II, стр. 328.

²⁾ Н. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. IV стр. 186.

³⁾ Тестъ Вас. Наз., инженеръ, ген. маіоръ Егоръ Ивановичъ Бланкенгагель получилъ отъ казны займообразно 50,000 руб. асс. на устройство въ Россіи перваго свекло-сахарнаго завода, который и былъ имъ устроенъ въ деревнѣ его „Алябевѣ“ (Тульской губ.), шель

21-го апрѣля, чрезъ посредство князя Петра Михайловича Волконскаго, Каразинъ доставилъ государю «Записку», въ которой заклиналъ послѣдняго обратить своевременно должное вниманіе на неправильности жизни въ Россіи, о коихъ просилъ освѣдомиться по имѣющейся запискѣ его гр. Кочубею. Намекая на то, что современное положеніе Россіи, наканунѣ тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII стол. Францію, ссылаясь на одинаковость мнѣній современниковъ («поименованныхъ имъ въ письмѣ къ Кочубею, купца Рогова, напр., ожидавшаго тоже волненій въ Россіи»), Каразинъ восклицаетъ: «Нельзя не привести на память,—что точно такъ изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и что точно такъ были пренебрегаемы!» «Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate»—сказать Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены». Записку свою назвалъ Каразинъ «послѣднимъ отзывомъ вѣрнаго подданнаго», а въ прибавленіи на слѣдующій день къ ней по пунктамъ доказываетъ чистоту своихъ дѣйствій, безкорыстность,

очень хорошо и приносилъ доходы, изъ которыхъ Ег. Ив. и уплачивалъ по-немногу казенный долгъ. Но настала война 12-го года, склады его сахара, патоки и рому сгорѣли въ Москвѣ, онъ самъ умеръ. Василій Назаровичъ не былъ въ состояніи по разстройству своихъ собственныхъ дѣлъ выплачивать долгъ тестя и просилъ государя о сложеніи. Государь разрѣшилъ. Василій Назаровичъ пошелъ во дворецъ благодарить, но не былъ принятъ". (Филадельфъ Каразинъ. „Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 568—569). В. И. Ярославскій рассказываетъ о томъ же: „Ал. Степ. Бирюковъ рассказаль мнѣ о продѣлкахъ В. Н. Каразина. Примѣтивъ, что государь каждый день послѣ полудня прохаживается по Невской набережной, онъ велѣлъ двумъ своимъ сыновьямъ прохаживаться тамъ въ то время, а встрѣтившись съ государемъ, каждый разъ учтиво ему кланяться. Какъ эти поклоны они часто ему дѣлали, то однажды спросилъ онъ и ихъ фамиліи. Каразинъ, узнавъ отъ нихъ, умѣлъ употребить это въ пользу, сочинилъ имъ просительное къ нему письмо: что императоръ Павелъ пожаловалъ заимообразно 25,000 руб. отцу ихъ матери Бланкеннагелю на устроеніе въ Тулѣ завода для дѣланія сахара изъ свекловицы. Вскорѣ онъ умеръ, не успѣвъ въ этомъ заведеніи. Теперь за долгъ его назначенъ въ продажу въ Москвѣ домъ ихъ матери—послѣднее ея имущество. Просили оказать имъ благодѣяніе: велѣтъ министру финансовъ исключить этотъ домъ изъ недоимки. Государь былъ такъ милостивъ, что простилъ этотъ долгъ" („Харьковскій Сборникъ“ 1887 г., стр. 69).

которая могла бы быть заподозрена въ желаніи вновь сблизиться съ нимъ изъ личныхъ интересовъ. Сказавъ, что считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ разъ данное ему разрѣшеніе сноситься съ царемъ непосредственно, Каразинъ продолжаетъ:—а) я никогда не употребилъ во зло сего драгоценнаго права себѣ въ пользу: ни на безчестную клевету, ни на недостойное испрошеніе милости; в) я никогда не дѣлалъ изъ него какого-нибудь чванства. Нечаянные случаи сдѣлали извѣстными нѣкоторыя мои бумаги, но только малому числу ближайшихъ ко мнѣ людей, изъ коихъ двухъ нѣтъ уже и на свѣтѣ, но большая часть, подобно какъ и сіи послѣдніе, остались и останутся, пока я живъ, тайною, открытою только для всевидящаго ока;—с) я писалъ не по видамъ личнымъ, но по внутреннему убѣжденію и съ глубокою увѣренностью, что я былъ бы извергомъ предъ вами и отечествомъ, если бъ сего не сдѣлалъ. Богъ, мой судія, да будетъ моимъ свидѣтелемъ!—d) Я никогда не воображалъ себя достойнымъ занять какое-либо изъ важныхъ государственныхъ мѣстъ. Честолюбивая эта мысль, не взирая на милости ваши, не входила въ мою голову. Но признаюсь въ томъ чистосердечно, быть человѣкомъ къ вамъ близкимъ, вамъ, такъ сказать, исключительно принадлежащимъ, было единственнымъ и первѣйшимъ моимъ желаніемъ. Званіе вашего личнаго секретаря, вашего—камеръ-библіотекаря, нѣчто подобное носилось въ моемъ воображеніи... е) Я никогда не былъ и не буду въ числѣ хулителей дѣлъ вашихъ.—Напротивъ, я часто ихъ отражалъ. Образъ мыслей моихъ въ семъ отношеніи выразилъ я публично въ рѣчи 21-го августа 1818 г., произнесенной въ Харьковѣ ¹⁾. Не возможно сердцу благородному не обожать васъ... Все, все, начиная съ ангельской наружности вашей, привлекательный, чистый вашъ разумъ, характеръ вашъ твердый необыкновенный, послужившій въ 1812 году *главнѣйшимъ* орудіемъ Провидѣнію къ тому, чтобы спасти Россію и Европу; доброта ваша... Государь! я начинаю рыдать! простите меня! Оставалось бы еще сказать нѣчто, но не имѣю силъ продолжать далѣе. Еще разъ прощайте, Государь!» ²⁾. Прочитавъ это письмо, Александръ приказалъ гр. Кочубею потребовать отъ Каразина, чтобы онъ «указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доводами, назвалъ самыя лица, отъ которыхъ имѣетъ тѣ или другія свѣдѣнія и т. д.» Съ высочайшимъ повелѣніемъ Кочубей обратился къ

¹⁾ Рѣчь объ истинной и ложной любви къ отечеству.

²⁾ «Русск. Стар.» 1870 г., т. II. стр. 571.

В. Н. Каразину. Послѣдній повторилъ пока свое предложеніе воспользоваться написанной имъ запиской министру внутреннихъ дѣлъ, если-бы пожелали подробнѣй узнать объ «обстоятельствахъ»; онъ общалъ заняться составленіемъ подробной пояснительной записки. Требованіе объявить имена лицъ, съ которыми В. Н. Каразинъ бесѣдовалъ по разнымъ вопросамъ, можетъ быть, частнымъ образомъ, поразило Каразина. *«Всеподданнѣйшее мое письмо, — объяснялъ онъ свои намѣренія Кочубею, — не доносъ, къ которому я, можетъ быть, и не способенъ, не указаніе мелкихъ частныхъ злоупотребленій, но послѣдняя воля, такъ сказать, умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаясь съ нимъ навсегда 1)»*. «Относительно указанія лицъ, имѣющихъ болѣе значенія *поимянно* отъ кого, что и гдѣ когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія я могъ бы составить кое на кого записку, но признаюсь, ваше сіятельство, что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о такомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій». «Сохрани насъ, Боже, возобновлять сцены царствованія при такомъ государѣ» 2). Не вѣря собственнымъ ушамъ о подобномъ требованіи того самаго Александра, котораго онъ зналъ съ 1801 г., Каразинъ съ удивленіемъ продолжаетъ: «Неужели нашему благодѣтельному Алек-сандру пожелать убить политически вѣрнаго и уважающаго имъ нѣкогда любезнаго ему человека («довольно, что онъ... былъ окруженъ шпионами въ проѣздъ свой въ здѣшнюю столицу») и опозорить допросомъ лицъ, достойныхъ его уваженія». Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на личность Василя Назаровича, на его благороднѣйшую натуру. Онъ былъ врагомъ тайныхъ обществъ на почвѣ политическихъ убѣжденій, онъ боролся противъ нихъ, но боролся самымъ *честнымъ* образомъ. Вражда противъ учрежденій не переходила въ ненависть къ лицамъ, раздѣляющимъ противоположныя убѣжденія; мы видѣли, что, какъ честному человеку, декабристы отдавали В. Н. свои бумаги, будучи твердо

1) «Русск. Стар.» 1870 г. II т. стр. 572.

2) Тамъ же стр. 573. Въ письмѣ къ императору Николаю 18-го сентября 1826 г. Василій Назаровичъ такъ писалъ о своемъ взглядѣ на требуемый отъ него доносъ: «обвинять я никого не могъ по совѣсти, съ одной стороны, гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени доносчика, съ другой, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ «Русск. Стар.» 1870 г. т. II стр. 562—563.

убѣждены, что довѣріе ихъ не будетъ обмануто, и они не ошиблись. Каразинъ затрепеталъ при одной мысли о возможности предательства «благороднѣйшихъ чувствованій». вмѣсто отвѣта на предложеніе указать на «лица», Василій Назаровичъ предложилъ свой проектъ «статистическаго департамента», который могъ бы доставить правительству нужныя свѣдѣнія: «Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, каковыя можетъ имѣть правительство, узнать подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента. Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста директора сего департамента, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣтъ и долго еще не будетъ, я безо всякаго шума и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ (?) открылъ бы въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству ¹⁾).

Проектъ Василя Назаровича такъ и остался проектомъ, а впослѣдствіи навлекъ на него только нареканія.

Одновременно съ мечтой учредить «Статистическій департаментъ», Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ созданіи новаго общества, поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе тяжелой въ то время доли крестьянъ. Исторія этого общества такова. Н. И. Тургеневъ, назначенный статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ еще въ 1819 году (а можетъ быть, въ самомъ началѣ 1820 года), представилъ государю черезъ графа Милорадовича записку, озаглавленную: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Мысль его была та, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе. Императоръ встрѣтилъ эту мысль съ большимъ сочувствіемъ, нашелъ ее вполне справедливой и благородной и объявилъ Милорадовичу, что «непремѣнно сдѣлаеть что-нибудь для крестьянъ». Князь А. С. Менъ-

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1870 г. т. II стр. 574. „Успѣеть-ли В. Н. завести при министрѣ внутреннихъ дѣлъ статистическое отдѣленіе—не знаю,—писалъ митр. Евгеній Анастасевичу 2-го марта 1820 г.,—но знаю, что легче завести и написать планъ съ фасадомъ нежели продолжать строеніе. Книжки на двѣ (какъ и Германъ) можетъ быть набереть матеріаловъ; а далѣе матеріалы сіи рѣдки, и доведется выписывать изъ-за моря, какъ и обыкновенно у насъ водится: во всѣхъ товарахъ иностранцы изъ нашихъ же матеріаловъ лучше обрабатываютъ („Рус. Арх.“ 1889. т. II стр. 334.

шиковъ, ген.-адъют. государя, какъ ловкій царедворецъ, воспользовался настроеніемъ и намѣреніемъ императора, началъ вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и гр. М. С. Воронцовымъ развивать эту мысль и получилъ согласіе многихъ вліятельныхъ лицъ на подачу адреса государю съ просьбой разработать крестьянскій вопросъ. Самому Каразину «посчастливилось пригласить въ оное (общество) нѣсколько извѣстныхъ государю особъ» (Записка къ Имп. Николаю).

Надо замѣтить, что Каразинъ шелъ дальше прочихъ учреждений общества; онъ задумывалъ создать общество, «подчиненное мин. вн. дѣлъ, которое бы, сверхъ публичнаго своего назначенія улучшать участь поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми, *вольными*, явными и тайными обществами» ¹⁾. Провести послѣднюю идею Каразину не удалось даже отчасти, судя по той формѣ, въ какой былъ предложенъ на высочайшую конференцію проектъ общества «въ пользу крестьянъ» ²⁾.

Проектъ намѣревались подать мин. вн. дѣлъ, который долженъ былъ получить по этому предмету приказаніе самого императора. «Гр. Воронцовъ сообщилъ документъ нѣсколькимъ родственнымъ и друзьямъ, и онъ былъ съ величайшею готовностью подписанъ Гр. П. Потоцкимъ и М. В., которые были генералъ-адъютантами у государя, графомъ В. Д., камергеромъ и дипломатомъ, кн. В.» и др. ³⁾. Однако планы упомянутыхъ лицъ потерпѣли неудачу. 5-го мая 1820 г. гр. Каподистрія представилъ государю краткую «записку» о цѣляхъ составляющагося общества съ просьбою утвердить его. Государь, узнавъ о гласности дѣла, о собираемыхъ подписяхъ, испугался, отставилъ отъ службы Меншикова, и нѣкоторые изъ подписавшихся отказались тотчасъ отъ своихъ подписей ⁴⁾. Кн. И. В. Васильчиковъ отказался отъ своей подписи на слѣдующій день по докладѣ и такъ мотивировалъ свой отказъ: «Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правитель-

¹⁾ Записка Каразина къ имп. Николаю I 1826 г. „Русск. Стар.“ 1870 г. II, стр. 563.

²⁾ См. „Русск. Стар.“. 1871 г. т. III, 366. Записано В. Н. Каразинымъ.

³⁾ N. Tourgeneff. „La Russie et les Russes“.

⁴⁾ О быстротѣ отказовъ отъ подписей рассказываютъ нѣсколько курьезныхъ случаевъ. В. И. Семевскій „Крест. вопр.“ Спб. 1888 г. I, стр. 456.

ства и общества может опереться лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится... указываютъ на г-на Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества ¹⁾.—И такъ, общество распалось. Кн. Вяземскій въ своей *Исповѣди* говоритъ: «Генераль-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно былъ главнѣйшею причиною неудачи этого предпріятія» ²⁾. Самъ Каразинъ приписывалъ неудачу проекта тому, что его представилъ на высочайшее утвержденіе «гр. Каподистрія, который ни по чему на свѣтѣ не могъ благопріятствовать патріотическому памѣренію россіянъ» ³⁾.

Г-нъ Семевскій говоритъ, что Каразинъ шель по двойной дорогѣ, желая пристегнуть къ либеральному обществу исполненіе своихъ ретроградныхъ «совершенно постороннихъ мечтаній» ⁴⁾. Мы не придерживаемся мнѣнія, что Каразинъ шель по пути противоположному современному ему либеральнымъ теченіямъ, направленію дѣйствій тайныхъ и другихъ тому подобныхъ обществъ. Все дѣло въ средствахъ для достиженія цѣли и взглядѣ на вещи. Что Каразинъ не былъ ретроградомъ, доказываютъ неслыханно-смѣлыя его обличенія правительства, въ лицо ему дѣлаемыя... только... обличенія эти, указанія на промахъ дѣлались самому правительству, чтобы помочь ему оріентироваться, чтобы помочь ему узнать «тысячи злоупотребленій» вовсе ему неизвѣстныхъ», и при томъ тайнымъ образомъ, чтобы не уронить престижа власти. На почвѣ недовольствія же правительствомъ возникли и тайныя общества, но они дѣйствовали *инымъ образомъ*, чѣмъ Каразинъ, именно: хотѣли не помогать, а бороться съ правительствомъ. Итакъ, цѣли однѣ, путь къ исполненію ихъ разный. Но какъ объяснить шпіонскій проектъ Каразина статистическаго департамента? Человѣкъ, съ самоотверженіемъ и ужасомъ отказавшійся назвать по имени нѣкоторыхъ подозрѣваемыхъ въ противоправительственныхъ дѣйствіяхъ лицъ, рѣшается предлагать цѣлое учрежденіе для секретнаго наблюденія надъ подозрѣваемыми людьми во всей необъятной Россіи».—Повторяемъ,

¹⁾ „Русск. Арх. 1875 г. т. III, стр. 417.

²⁾ „Собр. соч. кн. Вяз.“ II, 88, сравн. т. VII, 271; В. И. Семевскій „Крест. вопр.“ т. I стр. 456.

³⁾ „Русск. Стар.“ 1876 г. III, стр. 20. 7 тет. записки Кочубею 1820 г.

⁴⁾ Нѣсколько словъ о Каразинѣ. „Вѣстникъ Европы“ 1893 г. февр. стр. 530—541.

борьба проповѣдывалась не противъ личности, а противъ «злоупотребленій», совершенно правильно понимаемыхъ (записки къ Кочубею о состояніи Россіи); предложеніе секретнаго департамента объясняется не низостью души Каразина, этого примѣра гражданскаго мужества, а его идеалистическимъ взглядомъ на жизнь и людей. Онъ всегда думалъ, что дѣло приводится къ счастливому концу *не учрежденіями, а людьми*, въ которыхъ глубоко вѣрилъ—въ этомъ его принципиальная ошибка. Взгляните на его сельскія учрежденія съ теоретической, поверхностной точки зрѣнія. Абсолютная власть помѣщика, тѣлесное наказаніе, самодержавіе старосты¹⁾—развѣ это не отъявленное крѣпостничество! Но вникните, пожалуйста, *какимъ долженъ считать себя по Каразину этотъ «генераль-губернаторъ» помѣщикъ и староста, когда допускаются тѣлесныя наказанія, что долженъ дѣлать помѣщикъ для блага своихъ подданныхъ-«дѣтей»*; обратите вниманіе на то, что первый, кто осмѣлился быть согласно такимъ идеямъ «крѣпостникомъ» помѣщикомъ, т. е. самъ В. Н. Каразинъ, оказался нищимъ...; владыка пожертвовалъ всѣмъ для подчиненныхъ, роздалъ земли, уменьшилъ *вдвое* барщину, влѣзъ въ долги и т. д. Нѣчто подобное могло быть и въ разбираемомъ случаѣ. Въ 1) проектъ «статистическ. департ.» *не былъ еще разработанъ*, или не дошелъ до насъ въ разработанномъ видѣ, поэтому, мы не имѣемъ права клеймить безъ существенной оговорки мысль Каразина. Во 2) какъ основной принципъ сельскихъ учреждений В. Н. Каразина, можетъ быть, не выдерживалъ критики, (а выполненіе ихъ искушало всѣ недостатки, такъ какъ помѣщику предъявлялись очень большія требованія нравственнаго характера, за исполненіе которыхъ онъ отвѣчалъ передъ судомъ совѣсти), — такъ точно могло быть и съ «статистическимъ департаментомъ»; мы не знаемъ еще, какимъ образомъ Каразинъ думалъ проводить свою идею, *какія нравственныя требованія* предъявилъ бы онъ членамъ своего учрежденія. Однимъ словомъ, по существующимъ отрывкамъ мыслей, недосказаннымъ фразамъ В. Н. Каразина нельзя категорично осудить его за проектъ «статистическаго департамента».

Н. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи „La Russie et les Russes“ говоритъ, что инициаторы *общества для облегченія крестьянъ* (разумѣя Воронцова, Меншикова) съ цѣлью «съ самаго начала» «отдѣлаться отъ помощниковъ, подобныхъ Каразину», за-

¹⁾ Въ Анашкинѣ.

явили, что цѣль общества—изысканіе способовъ къ постепенному освобожденію отъ рабства»... Намъ кажется невѣрнымъ заявленіе Тургенева, что можно было запугать В. Н. Каразина идеей освобожденія крестьянъ. Цѣль сельскихъ нововведеній Каразина было «подготовленіе крестьянъ къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости». Крестьянскій проектъ Вас. Наз. называлъ «патріотическимъ намѣреніемъ россиянь ¹⁾»; а между тѣмъ въ подлинномъ заявленіи (имъ самимъ переписанномъ) стояло: «Цѣлью общества должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ» ²⁾. Вотъ еще одинъ документъ, неоспоримо доказывающій невѣрность показаній Тургенева и заявленія В. И. Семевского о непричастности В. Н. Каразина къ инициативѣ созданія общества и о стремленіи учредителей отдѣлаться отъ Каразина (письмо гр. М. С. Воронцова къ В. Н. Каразину отъ 14 апр. 1820 г.): «Я очень буду радъ встрѣтиться съ кн. Вяземскимъ у васъ, также съ кн. Меншиковымъ, гр. Комаровскимъ etc. и ежели они на то согласятся, то я готовъ... При семъ еще разъ нужнымъ считаю сказать Вамъ,... что я думаю войти только въ такое общество, которое будетъ имѣть въ предметъ постепенное, но не слишкомъ тихое или отложное вдаль освобожденіе крестьянъ отъ рабства. Всякое другое общество, по моему мнѣнію, никакого добра не сдѣлаетъ, а руссійскому дворянству нужно освободиться отъ нареканія, вездѣ намъ дѣлаемаго, что мы сопротивляемся столь священному и нужному подвигу» ³⁾.

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III стр. 20.

²⁾ Тамъ же стр. 366. Тургеневъ вообще отрицательно относился къ В. Н. Каразину и далъ о немъ такой отзывъ: Il y a bien eu quelques sujettes russes, qui en écrivant à l'empereur, lui ont adressé non seulement des vérités hardies, mais même des injures. J'ai connu deux exemples de ce genre. L'un est celui d'un Livonien (B...) qui, disait-on, avait la tête un peu troublée... L'autre exemple est celui d'un certain Karasine, homme d'un esprit inquiet, véritable brouillon («La Russie et les Russes» par N. Tourgueneff. Paris 1847, т. I стр. 462—463 прим. 1).

³⁾ Дубровинъ. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра. Спб. 1883 г. стр. 253; письмо № 239. Удивительно, какъ г. Семевскій могъ привести именно этотъ документъ въ доказательство желанія участниковъ проектируемаго общества „отдѣлаться отъ Каразина“!

Съ мая мѣсяца вплоть до ноября Василий Назаровичъ занимался обработкой докладной записки государю. 17-го ноября 1820 года была окончена послѣдняя «тетрадь». Записка эта состояла изъ 7 «тетрадей», которыя Каразинъ немедленно представлялъ гр. Кочубею, по мѣрѣ написанія ихъ ¹⁾. Это спѣшный, на скорую руку составленный и довольно безсвязный, лишенный всякаго плана трудъ. Какъ признавался самъ Каразинъ, трудъ свой онъ составилъ, пиша прямо «на бѣло», чѣмъ и объясняется разбитость предметовъ обсужденія. Тутъ перемѣшаны политическія воззрѣнія автора ²⁾, и описаніе злобы дня, и совѣты мѣропріятій ³⁾ для избѣжанія опасныхъ осложненій для Россіи, и оправданія своихъ дѣйствій ⁴⁾. Вотъ о чемъ, собственно, писалъ государю Каразинъ; при томъ главной задачей записки, судя по ея содержанію, да и по причинѣ ея возникновенія — «указать обстоятельства подробнѣе», было нарисовать картину неурядицъ въ государственной жизни. Послѣднее наиболѣе интересно, какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ вещей и какъ свидѣтельство прямоты и гражданскаго мужества Василя Назаровича.

Прежде всего записка вооружается противъ религіозныхъ гоненій, поднятыхъ тогда. «Не только всѣ состоянія народа — пишеть Каразинъ — но всѣ вѣроисповѣданія какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ государствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія». Въ подтвержденіе сказаннаго Каразинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, вродѣ высылки Буссе за напечатаніе лютеранскаго гимна, назначенія католическаго епископа противъ правилъ и желаній католиковъ, оставленія католическихъ епархій безъ епископовъ, конфискаціи духовныхъ имуществъ, запрещенія евреямъ держать христіанскую прислугу, могущаго служить только для «привязокъ

¹⁾ 22 октября 1820 г. Евгений писалъ Анастасевичу: „Жаль В. Н — ча! Ему лучше отрясти прахъ Петербургскій отъ ногъ своихъ и удалиться опять въ Украину, гдѣ онъ славнѣе, нежели въ столицѣ. Кочубей только проводитъ его по-министерски, и я вѣрю критическому его спросу у Греча о немъ. Въ столицахъ насмѣшки убійственны для дарованій и для чувствительнаго сердца; а въ провинціи можно ихъ презирать“. „Русск. Арх.“ 1889 г. т. II стр. 375.

²⁾ Въ тетради первой, третьей, пятой, шестой и седьмой.

³⁾ Въ тетради седьмой, третьей.

⁴⁾ Третья тетрадь.

низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобный законъ можетъ каждый день давать пищу»,... (тетр. 1 и 2). Осудивъ религіозныя гоненія, записка возстаетъ и противъ покровительствовавшагося тогда мистицизма. Каразинъ категорически осуждаетъ «направленіе умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты» и указываетъ на вредныя послѣдствія этого направленія ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружается противъ дѣятельности «Библейскаго общества», игравшаго тогда такую видную роль въ нашей общественной жизни. Онъ говоритъ: «легко доказать, что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ св. писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ далеко не доходить до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляровъ евангелія на нѣмецкомъ языкѣ и проч.»?.. Онъ возстаетъ противъ того чрезвычайнаго значенія, которое придавалось тогда распространенію библіи—въ чемъ видѣли спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ. «Сіе чтеніе (библіи)—говоритъ Каразинъ—одно не умножаетъ добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь съ библіей каждый день, есть одинъ изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа... Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то, между прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ послѣ (въ тоже число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. Къ тому же въ это дѣло замѣшались корыстныя цѣли и злоупотребленія. Общество, или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, постоянно жалуется на недостатокъ средствъ... Однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія какъ сего библейскаго, такъ и челолюбиваго общества есть похищеніе капиталовъ изъ внутреннихъ имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи съ всепоглощающею столицею». Вмѣсто библіи Каразинъ рекомендуетъ распространить изданіе «Христіанскаго Нравоученія, книги превосходной, содержащей полный и простѣйшій курсъ морали для всѣхъ состояній и для всѣхъ случаевъ жизни, словами самого священнаго писанія»... Такая мѣра сильно содѣйствовала бы успокоенію народа, волнующагося при разныхъ слухахъ изъ Петербурга. Простые поселяне наши не знаютъ,

¹⁾ Вспомнимъ записку, поданную отдѣльно, для гр. Кочубея лично (16 апр. 1820 г.)

что думать, вслушиваясь, что въ Питерѣ (какъ они говорятъ) устроенъ какой-то соборъ, на которомъ старшимъ предсѣдителемъ *свѣтскій чловѣкъ*, кн. Голицынъ, а на правой де и на лѣвой рукѣ отъ него засѣдаютъ и нашъ митрополитъ, и католицкой и всякіе нѣмецкіе архіереи и другіе чины. Этого де у насъ въ Руси и съ роду не бывало. «Вѣру де портятъ». «Чтеніе библіи не заставитъ (народъ) уважать спасительную и необходимую для него власть, коль скоро онъ однажды почтетъ себѣ позволительнымъ *подобныя* отступленія ¹⁾. Далѣе Каразинъ указываетъ на «вредную систему, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ» и которая «ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ»; на «вредное направленіе, которое взяло просвѣщеніе» (система Магницкаго и присныхъ ему); на «подрывъ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (это по поводу исторіи въ Семеновскомъ полку). Затѣмъ онъ подробно останавливается на злоупотребленіяхъ, царившихъ тогда въ морскомъ министерствѣ, рисуя яркую картину хищничества и запустѣнія. «Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства!»—воскликаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ—въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гніющіе корабли. Эскадра, на которую Петръ Великій возлагалъ такія надежды, «теперь, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащенья одного карабля для другого. За то матросовъ учатъ маршировать и тому подобнымъ штукамъ». Умѣлые матросы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ Кронштадскій, и другіе порты; «злodeямъ, каковъ Кабрановъ, приходитъ на мысль адресоваться турецкому министерству съ предложеніями предать сіи порты»... «Коли Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пять пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ». Отношенія помѣщиковъ, даже людей вліятельныхъ и интеллигентныхъ, къ крестьянамъ самое ужасное: «многія тысячи народа, запродаанные какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя». «Помѣщики витебской губерніи—графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Михельсонъ и Шишкинъ, могилевской—графъ Сологубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ (картежникъ и любимецъ графа М.) отдають своихъ крестьянъ подрядчикамъ на цѣлое лѣто... въ работѣ на дорогахъ въ здѣш-

¹⁾ Третья тетрадь. Оправданіе честности своихъ дѣйствій.

ней губерніи, получая по 110 руб. за человѣка; кормить ихъ должны подрядчики, чѣмъ заблагоразсудится, а поконить подъ открытымъ небомъ!»¹⁾ Указывая на подобныя безобразія, не стѣсняясь выдавать имена совершителей беззаконій, Каразинъ съ каждой запиской становился все смѣлѣе и смѣлѣе. Въ послѣднихъ запискахъ смѣлость эта достигаетъ невѣроятнѣйшей степени; такъ рѣдко кто осмѣлился бы дѣйствовать теперь, какъ «говорилъ правду» государю Каразинъ тогда.

Причиной, побудившей Каразина на отчаянный конецъ записокъ, была защита возмущенія солдатъ Семеновскаго полка въ ночь съ 16 на 17 октября, кончившаяся тѣмъ, что весь полкъ оказался въ Петропавловской крѣпости. «Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генераль-адъютанта Васильчикова было сказано, что единственною причиною происшествія въ Семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоприятнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ съ ними»²⁾. Приказомъ отъ 2-го января 1820 г. полкъ былъ раскассированъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, преимущественно на Кавказъ, гдѣ долженъ былъ погибнуть въ битвѣ съ горцами, офицера—по разнымъ полкамъ, Шварцъ былъ отданъ подъ судъ, но не за свою жестокость, а «за неумѣнье поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Отношеніе къ семеновцамъ государя было весьма неблагоклонное, ибо онъ былъ вовсе не согласенъ съ мнѣніемъ Васильчикова. «Царь полагаетъ—писалъ съ его словъ Меттернихъ—что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы 3000 русскихъ солдатъ рѣшились на поступокъ, такъ мало согласующійся съ народнымъ характеромъ. Онъ доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной какъ радикалы устроили все это, чтобы *застращать* его и принудить возвратиться въ Петербургъ. То же самое писалъ государь и Аракчееву; въ возмущеніи онъ видѣлъ только средство напугать его и дѣйствіе либеральной партіи:... «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варва-

¹⁾ Тетрадь 4-я подана 4 іюня 1820 г.

²⁾ „Шильдеръ“ „Императоръ Александръ I“ т. IV стр. 184.

ромъ? По моему убѣжденію тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы заставить ихъ взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Я заключаю, что тутъ было внушеніе чуждое, но не военное... Я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работы—въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать». Такъ относился государь къ Семеновской исторіи... Василій Назаровичъ садится и пишетъ оправданіе «бунтовщикамъ», говоря, что возмущенію нельзя придавать значенія; «оно не такъ страшно», что, напротивъ, въ немъ только высказывается «благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа», что «сопротивленіе власти было только отрицательное, то есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ», ибо «съ прекраснымъ полкомъ было поступлено безъ снисхожденія». «Жалобы были приносимы неоднократно,—писалъ Вас. Наз. Наконецъ они рѣшились по-ротно просить объ удаленіи начальника. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочіе, даже и симъ не оскорбляясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлить наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни; слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу ¹⁾! Какъ могло подѣйствовать на государя, «въ конецъ запутаннаго гидрой безначалія», положившаго задачей жизни подавленіе всякаго сопротивленія власти, подобное оправданіе факта, говорить излишне. Мало того, послѣднія тетради Каразина, какъ мы говорили, дышали прямо вызывающе. Въ разрѣзъ направленію государя Каразинъ негодуетъ: «Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры—духовная и гражданская—съ затворами для словъ и мыслей поставлены на стражѣ... Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство противорѣчіемъ самому себѣ по временамъ показываетъ, какъ *будто не имѣетъ никакихъ* ²⁾. Въ то время, какъ государь приписывалъ дѣйствіямъ

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III стр. 16—17.

²⁾ „Русск. Стар.“ 1771 г. т. III стр. 30.

тайныхъ обществъ стремленіе «запугать», «напугать его и тѣмъ отвлечь его отъ работы за границей въ Троппау, Каразинъ прямо заявляетъ, что скоро въ Россіи начнутся движенія, если только не будетъ приступлено къ внутреннимъ реформамъ: «благородное наше юношество и народъ, который также уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста, стоять въ настоящее время въ самомъ опасномъ распутии. Одно мгновеніе—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. *Не самовластные мѣры, не подслащенные слова, не тонкости французской полиціи* тутъ потребны—все это даетъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу!—но честность, строгая честность (*loyauté*), систематическій планъ, основанный на началахъ христіанскаго монархическаго направленія!.. «Не всѣмъ вѣрете поклонамъ и рѣчамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ государю, которыми васъ встрѣчаютъ губернаторы, которые, можетъ быть, говорятъ: «все еще благополучно, все еще по прежнему!» Великая перемѣна произошла и переходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день онъ яко тать придетъ! Правительство само способствуетъ тому всеусильно»... Высказывая подобныя отчаянныя мысли, Каразинъ самъ предсказалъ ожидающія его за нихъ несчастья. «Моя участь должна быть или ссылка за Байкаль, *пока еще ссылать можно*,—не могъ не погрозить опять онъ,—или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ» ¹⁾. Но въ искренность и преданность Вас. Н—ча государь давно уже не вѣрилъ; въ томъ поддерживали его и окружающіе. Каразинъ,—писалъ имп. Александру Васильчиковъ,—самый опасный человѣкъ: онъ уменъ и подъ личиною безграничной преданности къ особѣ вашего императорскаго величества можетъ служить нашимъ врагомъ болѣе, чѣмъ другіе» ²⁾. Опасенія Каразина за свою судьбу сбылись. Въ довершеніе записки его, новый случай, доказывая справедливость заявленія, какъ бы помогъ несчастію Василю Назаровича.

Одновременно съ Семеновскою исторіей подкинута было на дворѣ Преображенскихъ казармъ воззваніе отъ Семеновскаго полка къ Преображенскому, призывавшее преображенцевъ встать на защиту товарищей, убить государя и проч. ³⁾. Прокламація оканчи-

¹⁾ „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III стр. 19.

²⁾ Письмо отъ 26 ноября 1820 г. «Русскій Архивъ» 1875 г. т. II, стр. 326—327.

³⁾ См. письмо Кочубея къ Дибицу отъ 16 іюля 1826 г. Шильдеръ Императоръ Алекс. I, т. VI, прилож. 10.

валась словами: «спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій. Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ» ¹⁾. Прокламація страшно встревожила всѣхъ правящихъ лицъ. Бросились разыскивать виновнаго. Оказалось, что онъ безпрепятственно ходилъ по казармамъ и читалъ свое воззваніе. Агентъ тайной полиціи Фогель ²⁾, сличивъ почеркъ подброшенной бумаги и Каразинскій, заподозрилъ Вас. Наз—ча. Оригинальный способъ выраженія Каразина, бросившійся, можетъ быть, въ глаза тѣмъ сильнѣе, что въ то же время была имъ подана Кочубею записка, обратилъ на него вниманіе. Отъ государя, освѣдомленнаго о происшествіи, прискакалъ 25 ноября курьеръ въ Петербургъ съ инструкціей Кочубею относительно Каразина. Кочубей прочелъ инструкцію и, какъ заявилъ въ письмѣ къ государю, «не нашелъ никакого мотива, который могъ бы отдалить его (Каразина) «арестъ». 26 ноября Васильчиковъ доносилъ государю, что «за Каразинымъ слѣдитъ полиція» ³⁾. Того же числа Каразина арестовали. Арестъ этотъ былъ обставленъ большими предосторожностями. «Я—писалъ Кочубей къ государю 26 ноября,—сговорился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартирѣ въ теченіе дня, потому что его довольно часто не бываетъ дома, и такимъ образомъ доставить ему средства принять прямые или косвенные мѣры для того, чтобы удалитъ на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ гр. Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будетъ приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тѣмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватятъ его бумаги, приложатъ къ нимъ печати и доставятъ ихъ ко мнѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращаюсь къ лицу, которое ваше величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи

¹⁾ Чириковъ цитируетъ изъ письма къ государю кн. NN (не разобрано): «Воззваніе, подброшенное въ казармы Семеновскаго полка было написано на очень толстой бумагѣ, вродѣ пергамента славянскимъ шрифтомъ. Содержаніе бумаги заключалось въ призваніи убить государя и все въ государствѣ передѣлать заново. По собраннымъ губернаторомъ свѣдѣніямъ узналъ, что человѣкъ, подбросившій бумаги, высокаго роста съ черными волосами, одѣтъ въ венгерку. Проповѣдывалъ свое воззваніе очень открыто, но несмотря на всѣ усилія полиція найти его не могла» (Историч. Арх. Харьк. ун-та).

²⁾ «Русск. Авх». 1875 г., т. II, 327—329.

³⁾ «Русск. Арх.» 1875 г. т. II, стр. 326.

этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обзорѣніе ихъ содержания. Надѣюсь, государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина болѣе здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и ваше величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ рavelинѣ Петербургской крѣпости¹⁾. Въ шесть часовъ вечера того же дня Кочубей приписалъ къ своему письму: «Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Каразина уже нѣтъ въ городѣ. Офицеръ, который его сопровождалъ до заставы, явился ко мнѣ дать въ томъ отчетъ; теперь приступаютъ къ овладѣнію его бумагами²⁾. Изъ описи бумагъ Каразина³⁾ видно: что въ числѣ найденныхъ проектовъ былъ проектъ объ основаніи «общества добрыхъ помѣщиковъ, друзей отчизны», затѣмъ «записка въ разсужденіи общественнаго просвѣщенія», записка о злоупотребленіяхъ въ продажѣ питей, записка, или, какъ она названа въ официальной бумагѣ, «мечтанія» о какомъ то новомъ образѣ провинціального правленія; рядомъ съ этими «мечтаніями» шла «записка о необходимости монархическаго правленія» и письмо неизвѣстнаго о виновныхъ промыслахъ въ Бѣлоруссіи... «Изъ того же списка бумагъ Каразина мы видимъ, что онъ писалъ какое то письмо къ самому государю для Пукалова, какъ извѣстно, имѣвшаго сильное вліяніе на всемогущаго уже въ то время графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; съ княземъ Вяземскимъ и графомъ Шуваловымъ Каразинъ состоялъ въ перепискѣ; у петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича бывалъ въ домѣ... Нашлись у Каразина «записки весьма важныя», но каково было ихъ содержаніе—не знаемъ, ибо реестра имъ въ свое время сдѣлано не было⁴⁾. Между прочимъ любопытенъ документъ, характеризующій возбужденное состояніе Каразина послѣ сегоновской исторіи. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ Каразину дали на прочтеніе стихи такого содержанія:

¹⁾ Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина. «Историч. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1050—1051.

²⁾ «Шильдеръ». «Александръ I», т. VI, прилож. IX. 3.

³⁾ Хранящейся въ дѣлахъ военно-ученаго архива главнаго штаба (Ист. Вѣстн. 1900, апр., стр. 1048).

⁴⁾ Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». «Истор. Вѣстн.» 1900 г. апр., стр. 1048—1049.

«Ну, ребята, чуръ дружиѣ
За товарищей стоять:
Съ злымъ начальствомъ жить тошнѣ,
Отъ него чѣмъ почивать.
Полно, полно! ужъ доколѣ
Намъ на сихъ тварей смотрѣть?
Лучше быть солдатомъ въ полѣ,
Чѣмъ ихъ глупости терпѣть.
Намъ къ терпѣнью-ль приучаться
Стужу, голодь преносить?
Но съ друзьями лишь разстаться...
Ахъ, что жъ дѣлать: какъ же быть?» ¹⁾.

Попались эти стихи Каразину нѣсколько дней спустя послѣ 17 октября, а авторомъ ихъ, какъ ему сказали, былъ какой-то полковникъ. Каразинъ тотчасъ же препроводилъ бумагу къ Кочубею съ слѣдующимъ письмомъ: «Испытайте, сіятельнѣйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней официально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Бумажка, которой придалъ такое важное значеніе Каразинъ, оказалась вздоромъ. По разслѣдованію, произведенному Кочубеемъ, оказалось, что возмутительные стихи шли совсѣмъ не отсюда, откуда ихъ предполагали; въ академіи художествъ былъ «une espèce d'insurrection d'écoliers», вызванный излишней экономіей начальства въ отношеніи ученическаго стола: нѣсколькихъ учениковъ исключили, и вотъ кто-то изъ оставшихся или исключенныхъ безграмотными стихами побуждалъ будущихъ художниковъ «дружиѣ за товарищей стоять», хотя бы съ рискомъ попасть подъ красную шапку ²⁾. Подозрѣніе виновности

¹⁾ Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». Историч. Вѣстн.» апр. стр. 1090—1049.

²⁾ Д. И. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина», «Истор. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1850. Д. П. Миллеръ, публикуя послѣднее свѣдѣніе, указываетъ на то, что Каразинъ «придаетъ важное значеніе пустой и безграмотной бумажкѣ», объясняя этотъ фактъ тѣмъ, что Вас. Наз. къ этому времени значительно измѣнился, что «на основателѣ Харьковскаго университета успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ отразиться и 50-лѣтній возрастъ, и общій духъ времени». Мы въ свою очередь не раздѣляемъ подобнаго взгляда на «перемѣну» Каразина настолько, чтобы «духъ времени» оказалъ на него замѣтное вліяніе. Судя по запискѣ 1820 г. и 1801 г. къ государю, политическіе

Каразина въ семеповской исторіи, по изслѣдованіи его бумагъ, не подтвердилось. Кочубей, производившій дознаніе и приказавшій арестовать Каразина, почти навѣрное можно сказать, не считалъ его авторомъ прокламаціи. Въ томъ же письмѣ государю Кочубей, говоря, что открытіе автора пасквиля предметъ величайшей важности, продолжаетъ: «Всѣ средства были для того употреблены, но бесполезно»...: «Ваше Величество легко убѣдитесь, что розыски по столь важному дѣлу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить тайну относительно существованія такого документа. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы поводъ радоваться, что документъ въ рукахъ правительства, и надѣяться, что оно увлечется ложными мѣрами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе, малѣйшій слухъ объ этой бумагѣ заставилъ бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надеждѣ на награду могли бы поднять цѣлыя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ военнаго губернатора спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдѣлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будто бы ходить въ публикѣ какая то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрѣтательности нѣкоего флейтиста и полковаго писаря. Я не предвижу, государь, никакой возможности, исключая какого-нибудь счастливаго случая, открыть что-нибудь болѣе точное относительно этого пасквиля. Что бы я не далъ или не сдѣлалъ, чтобы этого добиться!»¹⁾ Государь тоже не былъ увѣренъ въ виновности Каразина; изъ донесенія Кочубея барону Дибичу 16-го іюля 1826 г. видно, что «государь императоръ сомнѣвался по многимъ другимъ бумагамъ Каразина, что пасквиль, дѣйствительно, могъ быть имъ написанъ»²⁾.

идеалы и стремленія остались у Каразина въ существенныхъ чертахъ одинаковы, а то, что онъ былъ взволнованъ стихами, не можемъ считать удивительнымъ, если сообразоваться съ безпокойнымъ настроеніемъ всего общества, по поводу солдатскихъ волненій, которое приписало даже и стихи *полковнику*, и поразительнымъ сходствомъ мысли стиховъ съ совершавшимися событіями.

¹⁾ Ист. Вѣстн. 1900 г. апр., стр. 1051—1052.

²⁾ Шильдеръ. «Импер. Алекс. I», т. IV. стр. 545. Также говорить Магницкій «Русск. Стар.» 1899 г. XCVII, стр. 295.

Что касается самого В. Н. Каразина, то онъ, повидимому, не ожидалъ ареста, не смотря на то, что говорилъ въ 7-ой тетради записки Кочубею о горькой своей участи въ Сибири. Изъ писемъ митр. Евгенія видимъ, что въ ноябрѣ Василий Назаровичъ собирався пріѣхать въ гости къ нему въ Псковъ¹⁾. Въ примѣчаніи къ изданному въ 1829 г. VI тому *Актовъ* филотехническаго общества В. Н. Каразинъ упоминаетъ, что «рукопись этихъ актовъ (первыя 21 стр.) была назначена для публичнаго чтенія *въ тотъ самый день*, столько достопамятный въ моей жизни», Примѣчаніе подъ датой: 26-го ноября 1820 года.

Тѣмъ не менѣе дѣло о Каразинѣ шло своимъ порядкомъ. Его привезли въ Шлиссельбургъ, допросили и заперли въ крѣпость. Все было сдѣлано въ строжайшей тайнѣ; даже близкіе къ Каразину лица ничего не знали точнаго о постигшемъ его несчастіи и причинѣ того²⁾.

¹⁾ Какъ обрадовали вы меня обѣщаніемъ посѣтить меня съ В. Н. зимою!—писалъ митрополитъ Евгеній Анастасевичу 6 сент. 1820 г. Братъ родной вамъ не былъ бы такъ радъ. Теперь пусть пока В. Н. насыщается богатою—и не диво—библіотекою императрицы и загороднымъ воздухомъ»; и въ письмѣ отъ 5 ноября: „Буду ждать васъ на святки. Есть ли В. Н. съ вами не поспѣетъ, то я вамъ заплачу и всѣ прогоны. Рус. Арх. 1889 г. т. 2, стр. 367 и 377.

²⁾ Такъ Карамзинъ писалъ Милорадовичу 28 ноября 1820 года: „Вчера сказывали мнѣ, что В. Н. Каразинъ задержанъ, и бумаги его взяты полиціею, а причина неизвѣстна. Жалкій человѣкъ! не могъ жить спокойно, и все чего-то добивался. У него жена и много дѣтей. Это грустно. Думаю, что вина его состоитъ изъ какой-нибудь дерзости: не написалъ ли опять письма безразсудчнаго... Евгеній писалъ Анастасевичу 6 дек. 1820 г.: «Вѣсть ваша о В. Н. меня крайне удивила. Но ему давно сего ждать нужно надлежало за энтузіастическія, даже до фанатизма, декламации политическія. Политикоманія есть также родъ помѣшательства, и «Екатерина II въ завѣщаніи своемъ, совѣтуя одобрять всѣ дарованія, не совѣтуетъ терпѣть политическихъ писателей, больше возмущающихъ, нежели вразумляющихъ народы. Въ бумагахъ его найдутъ, можетъ быть, многихъ, подобныхъ ему»... «Не перехвачены-ли его письма въ Украину или куда въ др. мѣста? А за статью о смертности мало бы привязки. Впрочемъ, думаю, все кончится прoderжаніемъ нѣсколькихъ недѣль и высылкою изъ столицы. Этотъ примѣръ учить всѣхъ остерегаться въ политическихъ умствованіяхъ. На что мѣшаться въ дѣла, намъ не порученныя. Поле наукъ такъ велико, что и безъ политики можно всякому найти себѣ мѣсто. А нынѣ со всѣхъ сторонъ времена лукавы. Когда пріѣдете ко мнѣ на святки, то наговоримся больше. Правду сказать, я и не надѣялся пріѣзду В. Н. (Русск. Арх. 1889 г. т. II, стр. 385—386). И въ письмѣ отъ 17 дек. 1820 г.:

Заключеніе Каразина продолжалось *шесть мѣсяцевъ*. Въ продолженіе этого времени даже не знали о мѣстѣ его заключенія ¹⁾. «23 апр. 1821 г. въ первый разъ выпустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха, и я писалъ оскорбительный допросъ въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище!»—писалъ Вас. Наз. о своемъ освобожденіи князю П. М. Волконскому ²⁾. Черезъ нѣкоторое время Каразинъ съ фельдшеремъ Марковичемъ былъ отправленъ въ Харьковъ, куда и прибылъ 2-го іюня ³⁾. Слободско-украинскій губернаторъ Муратовъ доносилъ о томъ такъ ⁴⁾: «Высочайше ввѣренной управленію моему Слободско-украинской губерніи Богодуховскаго уѣзда, помѣщикъ статскій совѣтникъ Василій Каразинъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г. по высочайшему повелѣнію доставленъ ко мнѣ изъ Шлиссельбурга съ нарочнымъ фельдшеремъ съ опредѣленіемъ ему непремѣннаго пребыванія въ помѣстьѣ его Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Кручикѣ и съ порученіемъ мнѣ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никуда не уѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ будетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься. Высочайшее повелѣніе о семъ сообщено мнѣ было отъ начальника главнаго штаба Его императорскаго величества, князя Петра Михайловича Волконскаго и потомъ повторено отъ генералъ-отъ-артиллеріи графа А. А. Аркачеева съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы я доносилъ обо всемъ, заслуживающемъ вниманія въ отношеніи поступковъ и дѣяній его». О состояніи В. Н.—ча въ это время свидѣтельствуетъ два письма на имя упомянутого князя

„Жаль В. Н.! Но и это утѣшно, что его бумаги у кн. (т. е. у кн. А. Н. Голицына), а не у другого кого позлѣе. Можетъ быть все кончится побранкою и высылкою. Впредь не будетъ пускаться въ мечты (Тамъ же стр. 387).

¹⁾ 20 декабря Карамзинъ писалъ тому же Малиновскому: „О Каразинѣ извѣстно то, что онъ скрылся отъ глазъ людей: не сидитъ-ли онъ въ Шлиссельбургѣ? Говорятъ за дерзкое письмо. Ему запрещено было писать: не послушался. Жалки жена и дѣти. Надѣюсь, что добрый государь умиосердится надъ безразсуднымъ“; и 10 марта: „О К-нѣ ничего не слышно. Даже не говорятъ о немъ. (Ник. Мих. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ М. Погодинъ т. II. Москва 1866). Въ письмѣ къ Дмитріеву Каразинъ названъ *каррикатурой* вслѣдствіе шутки Дмитріева (Письма Карамзина къ Дмитріеву изд. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 302 и прим. 264).

²⁾ 2-го іюня 1821 г. „Историч. Вѣст.“ апр. 1900 г. стр. 1053.

³⁾ Тамъ же стр. 1052.

⁴⁾ 1-го марта 1826 „Русск. Стар.“ 1900 г. іюль 153.

П. М. Волконскаго, который, надо заключить, сочувственно относился къ освобожденному, написанныя тогда же 2-го іюня: «Свѣтлѣйшій князь!.. Пользуясь симъ случаемъ, вѣроятно, первымъ и послѣднимъ, хотя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увѣрить вашу свѣтлость въ томъ, что сохранию по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго глубокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня вселили. Простите и порадайте обо мнѣ когда-нибудь». Другое письмо, писанное, какъ видно изъ помѣтки, въ 10 часовъ вечера того же дня, гораздо пространнѣе: «Сіятейлѣйшій князь! Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой донесенъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію моей участи. Въ чемъ она будетъ теперь состоять,—я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей,—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя, лишили его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ униженіемъ, заставляютъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастныя эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволенія написать послѣднее письмо въ собственныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не ропталъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля»... «Не ропщу, сіятельнѣйшій князь, но благословляю и лобзаю руку, поразившую меня. Со всѣмъ тѣмъ я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ долѣмъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ предъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному моему семейству, нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь. P. S. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію¹⁾».

4-го іюня, какъ явствуетъ изъ рапорта Муратова, съ тѣмъ же Марковичемъ отправленнаго въ Петербургъ, Каразинъ былъ уже

¹⁾ Д. П. Миллеръ „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“ „Историч. Вѣст.“ апр. 1900 г. стр. 1052—1053.

доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ ¹⁾. Муратову было приказано строго слѣдить за перепиской Каразина, которая допускалась только черезъ посредство губернатора, а нѣсколько времени спустя Каразину было воспрещено издавать въ свѣтъ всякое литературное произведеніе.

ГЛАВА X.

Опала.

(1821—1831).

Бѣдственное положеніе Каразиныхъ и просьбы о помилованіи. Письмо къ имп. Николаю I и облегченіе участи семьи. Сельскія занятія съ 1826 г. Семейная жизнь. Знакомство съ М. П. Погодинымъ (1829). Избраніе въ Предсѣдатели Уголовной Палаты (1828—1830). Поѣздка въ Москву и столкновеніе съ А. Х. Бенкендорфомъ. (1831). Пятое наказаніе и высылка изъ Москвы. Письмо къ императору Николаю I (1831).

Ссылка В. Н. Каразина продолжалась до конца 1826 г., слѣдовательно около 6 съ половиною лѣтъ. О жизни въ тотъ періодъ времени Каразина мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Сохранившіяся «Дневныя записки» съ 1821 г. не обнародованы, а переписка, будучи обставлена тяжелыми формальностями, прекратилась. Можно сказать только, что запрещеніе выѣзда изъ деревни очень пагубно отразилось на хозяйственныхъ дѣлахъ В. Н. Каразина. Въ 1824 г. часть села Кручика перешла за долги въ чужія руки. «Сего 1824 г. іюля мѣсяца въ 22 день чиновники земскаго суда, прибывъ съ секретаремъ и приглашенными дворянами въ село Кручикъ, ввели во владѣніе большей половины онаго, поручика графа Подгоричани-Петровича. А еще въ прошедшемъ году осталная часть села взята въ казенный присмотръ»... доносилъ кручанскій священникъ епископу Павлу Сабатовскому ²⁾. Въ 1825 г. онъ, находясь больной въ постели и

¹⁾ „Историч. Вѣстн.“ апр. 1900 г. стр. 1053. (Свѣдѣнія изъ военно-уч. арх.).

²⁾ „Харьковскій Сборникъ“, 1887 г., стр. 59.